

ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Как трудно было бы жить на свете, если бы люди не умели прощать и забывать. Таково свойство нашей души – со временем негативные воспоминания и переживания вытесняются в область подсознания. Но национальная память устроена иначе, чем человеческая. Трагедии и войны, сообща пережитые всем народом, не забываются – наоборот, они помнятся на протяжении столетий и становятся тем стержнем, вокруг которого формируется и кристаллизуется нация. Именно поэтому в Республике Беларусь никогда не будут забыты подвиг и страдания нашего народа во время одного из самых жестоких и кровавых периодов истории. Очередную публикацию из цикла о Великой Отечественной войне «Беларуская думка» посвящает теме столь же важной, сколь и страшной: геноцид белорусского народа. На протяжении нескольких лет он планомерно осуществлялся немецко-фашистскими захватчиками. Казалось бы, весь мир должен знать и помнить эту трагедию – после Нюрнбергского процесса, после того, как миллионы зарубежных гостей побывали в Хатынском мемориале. Но в реальности, к сожалению, в современной Западной Европе, и прежде всего в Германии, нацистские преступления против белорусского народа по-прежнему окружены недомолвками.

ИЗ ТЕНИ ХОЛОКОСТА

В чем же причина? Может быть, в недостатке информации? Но о той же Хатыни и еще 600 белорусских деревнях, сожженных нацистами, в нашей стране и за рубежом выпущено множество книг и фильмов. Сайт Государственного мемориального комплекса «Хатынь» (<http://khatyn.by>) имеет версии на английском и немецком языках. На нем размещена подробная информация, фотографии, фрагменты кинохроники о плане «Ост», о концлагерях Тростенец и Озаричи, о Минском гетто, о жестоких карательных операциях оккупантов. Но, как выясняется, мало опубликовать или разместить в Интернете эти материалы – надо еще донести их до западного общества, весьма неохотно расстаю-

щегося со своими стереотипами и со своим неведением. А вот с этим проблема.

Фактически две культуры памяти о войне – белорусская и западноевропейская – существуют как бы параллельно, не соприкасаясь друг с другом. В Западной Европе восторжествовал миф о том, что все преступления Третьего рейха – исключительно на совести Гитлера и нескольких тысяч «отморозков» из СС и близкородственных структур, а политика гитлеровского геноцида в оккупированных странах якобы была направлена только против евреев и цыган. «Геноцид против белорусов? – пожимает плечами среднестатистический обыватель. – Не знаем про таких».

И все же факт остается фактом: белорусы в меньшей степени, чем евреи, пострадали во время войны. Но для того, чтобы доказать это, необходимы не только терпение, убедительность, но и величайшая деликатность. Ведь не создано еще таких точных весов, на которых можно было бы измерить, чье страдание весомей. И, прежде всего, твердо подчеркнем: расширение правдивых знаний о геноциде белорусского народа ни в коей степени не должно восприниматься как попытка принизить трагедию Холокоста.

Вспомним: Холокост был чудовищной трагедией не только для евреев, веками живших в Беларуси, но и для самих белорусов. Ведь узники гетто, шедшие на расстрел, были нашими соотечественниками, согражданами, чьими-то родственниками, сослуживцами, одноклассниками, друзьями, любимыми... Лет десять назад я готовил интервью с фронтовиком-белорусом, который, будучи 15-летним подростком, видел разгром витебского гетто. Именно зверства в отношении евреев повлияли на его решение уйти в партизанский отряд, чтобы мстить нацистам. Немало белорусов, рискуя жизнью, укрывали евреев и их детей от преследования. Многие десятилетия израильский институт «Яд Вашем»

Редакция благодарит Историческую мастерскую Минского международного образовательного центра за помощь в подготовке материала.

разыскивает по всему миру людей, спасавших евреев в годы войны, и присваивает им звание «Праведник народов мира». В Беларуси на 1 января нынешнего года насчитывалось 711 «праведников» (для сравнения, в Польше – чуть более 2200, в Украине – 1650, в России – 125).

ГЕНОЦИД КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Заведующий отделом военной политики и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси доктор исторических наук Алексей Литвин уверен, что в годы Великой Отечественной войны в отношении белорусов Третий рейх осуществлял целенаправленную, тщательно спланированную государственную политику геноцида.

– Свою восточную политику Гитлер сформулировал в книге «Майн Кампф» («Моя борьба») в 1925 году еще задолго до прихода нацистов к власти. Планов в дальнейшем он не менял. 6 октября 1939 года фюрер особенно подчеркнул на совещании с командным составом вермахта, что после поражения СССР в предстоящей войне будет осуществлено истребление славянского населения в таких размерах, что частичное уничтожение евреев необходимо рассматривать только как эксперимент для подобных кампаний в будущем. После этого в Германии началась разработка программ расчищения жизненного пространства на Востоке. Этим занимались не какие-то маньяки-одиночки, а целые научные учреждения и государственные органы. В 1940 году создатели немецкого военного плана «Барбаросса» указывали, что будущая война против Советского Союза будет существенно отличаться от военных кампаний вермахта в Западной Европе. Они предрекали, что это будет в полном смысле этого слова истребительная война между расами и идеологиями, война на уничтожение. Вооруженные силы Третьего рейха заранее освобождались от всякой ответственности за будущее претупления на оккупированной территории, – рассказывает историк.

Беларусь фашисты планировали заселить выходцами из Германии. Местное население они рассчитывали оставлять по такой формуле, чтобы на каждого немца приходилось по два раба «низшей расы». Таким образом, по одной из «карт колонизации» в Минске и Минской области, например, намечалось поселить 50 тыс. немецких колонистов и оставить 100 тыс. белорусов, в Могилеве и Бобруйске – по 20 тыс. немцев и по 50 тыс. белорусов и так далее. Тем немногим жителям Беларуси, которых гитлеровцы планировали оставить в живых, была уготована роль рабов, бессловесного послушного стада. Сохранился документ 1940 года под названием «Некоторые соображения рейхсфюрера СС Гиммлера об обращении с местным населением восточных областей». Вот какой видел судьбу белорусов и украинцев главный эсэсовец: «Для немецкого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой народной школе должно быть только: простой счет, самое большое до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным. Умение читать я считаю ненужным».

В июне 1941 года на белорусскую землю пришли кровавые палачи, не щадившие ни женщин, ни стариков, ни детей. Достоинством историков стал дневник обер-ефрейтора вермахта Иоганнеса Гердера, который он вел в первые месяцы пребывания в Беларуси. «25 августа. Мы бросаем гранаты в жилые дома. Дома очень быстро горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище! Люди плачут, а мы смеемся над слезами. Мы сожгли таким образом уже деревень десять. 29 августа. В одной деревне мы схватили первых

Озарицкий лагерь
после освобождения.
Март 1944 года

Фото Е. Подшивалова

попавшихся 12 жителей и отвели на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда».

Беларусь покрылась густой сетью нацистских лагерей, гетто, тюрем. Историки насчитали на нашей территории более 260 мест массового уничтожения людей, но и эта цифра, видимо, далеко не полная. Захватчики истребили в Беларуси более 1,4 млн. мирных граждан, более 810 тыс. военнопленных. Свыше 400 тыс. белорусов были угнаны в рабство.

Методы геноцида были самые изощренные. Наши сограждане гибли в лагерях смерти от голода, холода, издевательств и массовых казней. Детей помещали в специальные лагеря, где брали у них кровь для немецких солдат. Молодежь вывозили для работы на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве Германии.

Девушек насильственно помещали в солдатские бордели. Широко практиковались массовые расстрелы заложников. Мирное население выгоняли бороновать минные поля, отчего тысячи людей погибли и получили увечья. Под предлогом борьбы с партизанами сотни деревень были сожжены вместе с жителями, целые районы превращались в безлюдные пустыни.

– *Карательные экспедиции в Беларуси немцы проводили постоянно начиная с 1941 года*, – рассказывает Алексей Литвин. – *Планомерное опустошение территории являлось частью фашистской военной стратегии. К концу оккупации число карательных операций увеличилось. Так, в марте 1944 года на территории генерального округа «Беларусь» их было проведено фашистами 158, в апреле – 198, в мае – 196. Только стремительное наступление Красной Армии в июне 1944 года спасло белорусский народ, который, по сути, стоял на грани физического уничтожения.*

Количество граждан Беларуси, Эстонии и стран СНГ – узников нацизма, получивших компенсации от немецкого фонда «Память, ответственность и будущее» (данные на 31 декабря 2006 года предоставлены Республиканским фондом «Взаимопонимание и примирение»):

Категория А (15 тыс. немецких марок).

Гетто, концлагеря – 2783.

Приравненные к ним иные места заключения – 7424 (в том числе граждан Республики Беларусь – 7115; Эстонии – 268; стран СНГ – 41).

Итого – 10207.

Категория В (5 тыс. немецких марок).

Рабочие, принудительно угнанные в Германию и работавшие на промышленных предприятиях или в государственном секторе.

Граждане Республики Беларусь – 39865; Эстонии – 1042; стран СНГ – 402.

Итого – 41309.

Категория С (до 5 тыс. немецких марок в рамках расширительной оговорки).

Иные категории узников нацизма.

Граждане Республики Беларусь – 69821; Эстонии – 7547; стран СНГ – 601.

Итого – 77969.

В том числе категория С13.

А) Узники лагерей Озаричи, возле д. Микуль-Городок и д. Готок, в 3 км от д. Порослище, в д. Рудобелка Гомельской области.

Граждане Республики Беларусь – 10321; Эстонии – 16; стран СНГ – 57.

Итого – 10394.

В) Узники детских лагерей в Скобровке, Красном Береге, Паричах.

Граждане Республики Беларусь – 410; Эстонии – 1; стран СНГ – 2.

Итого – 413.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИЛИ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ?

И все же главный шок сегодня в том, что большинству современных немцев, не говоря уже о прочих западноевропейцах, все эти факты абсолютно неизвестны.

Рассказывает историк Алеся Беланович:

– *В 2006–2007 годах я работала волонтером в мемориальном комплексе бывшего концлагеря Нойенгамме. Этот лагерь функционировал с 1938 по 1945 год на окраине Гамбурга и являлся самым большим на севере Германии. У него было 86 филиалов, где находилось до 100 тыс. заключенных, в большинстве своем советских военнопленных. Я в качестве переводчицы помогала в проведении экскурсий для немецких школьников и других посетителей. Первое, что поразило: когдаходишь в выставочный зал мемориала, сразу видишь большую карту концлагерей, которые существовали в Третьем рейхе. Но там на территориях к востоку от Освенцима не обозначено ни одно место массового уничтожения из тех, которые существовали в Восточной Европе. Вообще ни одно. Я спросила у не-*

мецких историков, руководителей мемориала Нойенгамме, почему на карте нет даже Тростенца, не говоря уже про Озаричи. Мне ответили, что они не подпадают под классификацию концентрационных лагерей. Откровенно говоря, сколько я ни беседовала с немецкими учеными, так и не смогла понять, в чем же заключается эта классификация и чем Тростенец отличался от других лагерей Третьего рейха. Разница порой непонятна даже самим немцам. Тростенец в немецкой историографии считается лагерем смерти и потому, говорят, его нельзя путать с концлагерями в узком понимании этого слова. Но ведь обычным посетителям мемориала Нойенгамме такие тонкости неизвестны, поэтому у них складывается впечатление, что немецкая политика уничтожения заканчивалась на Освенциме.

...По сути пресловутая «классификация» концлагерей, которой так дорожит официальная немецкая историография, на самом деле служит идеальным инструментом для фильтрации и утаивания от общества неудобных исторических фактов. В одном старом советском художественном фильме есть замечательный эпизод: военнопленный убегает из концлагеря, находящегося на территории Германии, и пытается укрыться в лесу. И вдруг беглец испытывает подлинный шок: на всех деревьях аккуратно вырезаны номера. Пронумерованный немецкий лес, который раньше казался другом и спасителем, оказывается таким же враждебным, как и преследователи с овчарками.

Возможно, схожие чувства испытали многие тысячи белорусов – бывшие узники полесских концлагерей Дерть, Подосинник и Озаричи, когда столкнулись с бюрократической машиной Евросоюза, не желающей признавать их права. О трагедии Озаричей сегодня в Беларуси знают, наверное, каждый школьник. В феврале–марте 1944 года гитлеровцы согнали за колючую проволоку под открытым небом более 50 тысяч белорусов – женщин, стариков и детей. У них отобрали теплую одежду, им не давали ни пищи, ни воды. В лагерь преднамеренно поместили больных сыпным ти-

фом, чтобы наступающие части Красной Армии после освобождения концлагерей охватила эпидемия. Из всех узников спасти удалось только 33434 человека, в том числе 15960 детей в возрасте до тринадцати лет. По сути, Озаричи необходимо признать первым в истории местом массового применения биологического оружия. Но у евробюрократов иное мнение на этот счет.

ОЗАРИЧИ VS ГЕРМАНИЯ

История эта давняя и довольно запутанная. Еще в 1977 году правительство ФРГ приняло закон о компенсациях жертвам нацизма. К нему прилагался список концлагерей, разработанный в соответствии со все той же классификацией, о которой мы писали выше. Оговаривалось, что бывшие узники, находившиеся в других, не перечисленных лагерях, могли в течение шести месяцев предоставить свои предложения для расширения перечня. Придумано было хитро. Большинство узников из «других» лагерей жили за железным занавесом в Советском Союзе и попросту не знали о немецком законе.

Вопрос приобрел актуальность после распада СССР. В 2000 году Германия учредила фонд «Память, ответственность и будущее» для выплаты компенсаций бывшим узникам нацизма. В нашей стране партнером этого фонда для составления списков узников и выплаты денег стал Белорусский республиканский фонд «Взаимопонимание и примирение». Он ведал выплатами гражданам Беларуси, а также выплатами для жителей Эстонии и южных стран СНГ. На компенсации немцы выделили 694 млн. дойчмарок.

Вновь немецкая сторона составила «классификацию» лагерей – на этот раз для определения категорий получателей

Шестилетняя Вера Курьян из деревни Подвидки – узница концлагеря в Озаричах. Март 1944 года

**Федор Антонович ВЕРАС,
бывший узник лагеря Озаричи:**

– Когда освободили Озаричи, мне было 9 лет. Нашу семью – маму и шестерых детей, как и десятки других семей, немцы забрали из деревни Чирковичи (ныне Светлогорский район) в ноябре 1943 года. Пешком по снегу нас гнали по деревням, непонятно для каких целей. Конвоирами были солдаты вермахта с овчарками. На ночь нас размещали в неотапливаемых сараях. Наталкивали туда людей так, что можно было ночевать только стоя. В Паричах у детей стали брать кровь для немецких солдат. Но

дети были истощены, и кровь не шла. Все это время нас не кормили. Поэтому в тех деревнях, где мы останавливались, дети ходили собирать милостыню. Наконец мы попали в Ковчицы, в один из немецких сборных пунктов. Оттуда наиболее здоровых подростков забрали в Германию, а стариков, женщин и детей оставили. Часть людей закрыли в доме и сожгли живьем. В моих глазах и сейчас стоит эта картина. Лежит человек, у него на пальцах блестящие колечки. Тело лежит, как будто живое. Но стоило палочкой дотронуться, как все рассыпалось.

Примерно в 20-х числах февраля 1944 года нас на машинах привезли в лагерь Подосинник, обнесенный колючей проволокой. Не верьте тем, кто говорит, что лагеря в Озаричах были созданы только в марте и просуществовали 2–4 дня. Это ложь. В Подосиннике мы расположились на болотистом месте, возле сосны. У матерей были с собой подушки, одеяла, которыми согревали малышей. Все старались держаться деревнями, поближе к своим родственникам. Если погибать, то вместе.

В марте месяце нас снова пешком по грязи погнали куда-то колоннами в сопровождении солдат с овчарками. Тех, кто не мог идти, немцы пристреливали. Отобрали все теплые вещи и верхнюю одежду. Гнали нас голых на холоде. Мы думали, что нас расстреляют где-то в лесу. Крик, слезы, рыдания. Гибель детей и стариков...

Вскоре нас пригнали в Озаричи. Немцы не разрешали располагаться возле ворот лагеря и загоняли людей плотнее вглубь, даже туда, где было болото. Узники опять размещались семьями и деревнями. Никакой еды нам не давали. Лагерь все заполнялся и заполнялся, а люди все умирали и умирали – от болезней, голода, обморожений. Было так холодно, что и мертвые, и живые по ночам примерзали к земле. Некоторые матери, чтобы спасти своих детей, клали их на трупы. Очень боялись, чтобы малыши не заблудились в лагере, так как немцы пристреливали всех, кто приближался к колючей проволоке.

Мы ели кору, коренья. Матери давали детям жевать сосновые иголки, но следили, чтобы дети их не глотали. До сих пор помню этот привкус сосновых иголок. Очень страдали от жажды. Пить было нечего. В болотных канавках вода была красновато-буроватого цвета, а из нее торчали кости трупов, тех, кто был в этом лагере до нас. В моей семье из шести детей остались трое. Погибли также две двоюродные сестры и два двоюродных брата.

В ночь на 18 марта начался артобстрел из «катюш». Немцы ушли. И скоро к лагерю пришли наши разведчики и сказали ждать. Потом открыли ворота, но первые узники, которые побежали, подорвались на минах, оставленных немцами. Два дня людей выводили из лагеря по тропке, проделанной в минном поле. Тех, кто не мог идти, переносили наши солдаты. Из них потом около 300 заразились тифом и умерли.

После освобождения у каждого подростка в деревне был запас оружия, которое мы находили на местах боев. Мы ненавидели немцев так сильно, что ставили пулеметы и стреляли по деревьям, представляя, будто это фашисты.

компенсаций. В категорию А были включены узники, содержавшиеся в концлагерях «по смыслу параграфа 42, пункта 2 Федерального закона о компенсациях (Федеральный вестник законов ФРГ 24 сентября 1977 года)». Это уточнение «по смыслу» предполагало, что в перечень концлагерей могут быть включены даже те лагеря, которые не фигурировали в законе 1977 года. И действительно, в категорию А вошли бывшие узники из таких лагерей, существовавших на белорусской территории, как Бронная Гора Березовского района, Колдычево Барановичского района, лагерь в Минске по ул. Широкой и других.

Категория В включала в себя тех, кто был депортирован с родины на территорию Германской империи в границах 1937 года или на оккупированную Германской империей территорию и привлекался к принудительным работам на промышленных предприятиях или в госсекторе. Бывшие узники по категории А получали по 15 тыс. немецких марок, категории В – 5 тыс. Однако Озаричей для немецкой стороны как будто не существовало. Разумеется, это вызвало возмущение бывших узников, потерявших в полесских болотах своих родных и близких, свое здоровье. Многие были склонны обвинять в произошедшем государственную научно-квалификационную комиссию, созданную в 1995 году в Беларуси для определения или подтверждения статуса мест принудительного содержания граждан на временно оккупированной территории Республики Беларусь в годы Великой Отечественной войны. Эта комиссия признала, что Озаричи были не концлагерем по международной классификации, а «лагерем смерти на переднем крае немецкой обороны».

Но все гораздо сложнее. Как пояснила Ирина Гриневич, которая в 2000–2006 годах была председателем экспертной комиссии фонда «Взаимопонимание и примирение», в немецком законодательстве для включения бывшего узника в категорию А для получения компенсаций необходимо было, чтобы лагерь отвечал следующим неперенным условиям: бесчеловечные условия заключения; недостаточное пи-

тание узников; отсутствие медицинского обслуживания; все узники должны были привлекаться к принудительному труду. Изящный цинизм, с которым немецкая сторона отмахнулась от узников Озаричей, просто поражает. В Озаричи были согнаны женщины, старики, дети, которые, естественно, ни к какому труду не могли привлекаться и рассматривались только как «биологическое оружие». Да, по логике германских законодателей получается, что настоящими жертвами нацизма не могут быть признаны даже жители Хатыни – они-то не трудились на благо рейха, а ведь только «труд делает свободным», как было написано на воротах Освенцима. Теперь не удивляет, что в официальном учебнике по истории Латвии лагерь смерти Саласпилс назван всего лишь «трудовым исправительным лагерем». «Классификация» – великое искусство. Благо есть у кого учиться.

Проблему неоднократно пытались решить и руководство фонда «Взаимопонимание и примирение», и представитель правительства Республики Беларусь в попечительском совете немецкого фонда «Память, ответственность и будущее». Но в 2004 году был получен повторный ответ: немцы отказывались признавать лагерь Озаричи концлагерем категории А. Поэтому был найден компромисс. После выплат узникам категорий А и В у фонда «Взаимопонимание и примирение» оставались некоторые средства. Фонду разрешили самостоятельно определить перечень бывших узников дополнительной категории С и уплатить каждому из них до 5 тыс. немецких марок. В эту категорию С и были включены жертвы Озаричей.

Но дело в общем-то не в размере компенсаций, хотя и этот вопрос немаловажен для бывших узников полесских лагерей, не имеющих сейчас льгот. Куда больнее ранит непризнание. Одна из страшнейших трагедий XX века – незаживающая рана белорусского народа, одно из главных обвинений, выдвинутых против фашизма на Нюрнбергском процессе, – вдруг оказалась отодвинута на периферию общественного внимания, полузабыта, приуменьшена.

НЕПОЛИТКОРРЕКТНЫЙ ВЕРМАХТ

Почему же так происходит? Причина в том, что Озаричи совершенно не вписываются в то во многом мифологизированное и «политкорректное» представление о преступлениях Третьего рейха, которое сложилось сейчас на Западе. Маньяк Гитлер, дескать, устроил Холокост при помощи кучки эсэсовцев. И всё.

Но Озаричи – это не Холокост, а в роли палачей выступали отнюдь не эсэсовцы, а обычные солдаты вермахта. Ответственность за это преступление лежит на 30 тысячах солдат и офицеров 9-й армии группы армий «Центр».

Готово ли немецкое общество признать, что те самые гансы, курты и фридрихи, фотографии которых есть едва ли не в каждом семейном альбоме, были безжалостными убийцами, пытавшими женщин, детей, стариков? Прозрение, видимо, будет мучительным.

– В Германии последних лет прослеживается нежелание признавать преступления вермахта, – рассказывает руководитель Исторической мастерской Минского международного образовательного центра Кузьма Козак. – Когда там состоялась выставка «Преступления вермахта», в большинстве своем основанная на белорусских материалах, некоторые организации были против ее проведения. Говорили: «Нет, этого не может быть!»

Опыт общения с немецкой аудиторией есть и у председателя Республиканского общественного объединения бывших узников фашизма концлагеря Озаричи Федора Вераса:

– В 2004 году я был в Германии и выступал там, рассказывая о зверствах, которые были совершены немцами, и именно солдатами вермахта, в Беларуси. Я говорил о том, что видел своими глазами. Немцы на меня шикали и утверждали: «Он говорит неправду!». Они не допускают, что их солдаты так относились к женщинам, детям, старикам, и думают, что это делал СС. Но многие уже понимают, что все это было и что этого скрыть нельзя.

Настоящим откровением для многих жителей Германии стал фильм на немецком языке,

снятый о трагедии Озаричей. Идея его создания возникла случайно. Немецкий историк, изучавший боевой путь одной из дивизий 9-й армии, вдруг столкнулся с настолько чудовищными фактами зверств, которые просто не укладывались в сознании.

Вспоминает один из авторов фильма докторант Мюнхенского университета Александр Долговский:

Мемориал на месте лагеря в Озаричах

– Во Фрайбургском архиве мы нашли оригинал немецкого плана размещения озаричских лагерей. Поэтому возникло желание узнать, что же происходило на самом деле. Мы с немецкими студентами приезжали на Полесье, ездили по деревням, опрашивали свидетелей. Одно дело знакомиться с архивными документами, и совсем другое – видеть эмоции людей... В Германии идет дискуссия по проблеме, как вермахт был замешан в преступлени-

ях нацистов. Озаричи в этом плане важны тем, что операция полностью лежит на совести вермахта, в ней не участвовали спецподразделения СС. Причем немецкий генералитет в большинстве своем ушел от ответственности. Большинство из тех, кто планировал операцию в Озаричах, после войны спокойно жили в Западной Германии. Были случаи, что некоторые из них даже преподавали в школе. У немецкой молодежи это вызывает шок. Интерес к фильму проявили в центре по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге. Это тоже, кстати, говорит о том, что даже спустя 65 лет после трагедии в Озаричах она остается неизвестной в Германии.

Белорусское государство может многое сделать для того, чтобы трагедия в Озаричах, как и другие факты геноцида белорусского народа, получила по-настоящему мировую известность. Для этого существует огромный потенциал: мемориальные комплексы и музеи, научные и архивные учреждения,

возможности Министерства иностранных дел, а главное – живые свидетели нацистских преступлений. Бывшие узники Озаричей настаивают на пересмотре нынешнего статуса лагеря. Возможно, они и правы. Хотя Республика Беларусь не повинна в том, что Запад не желает в полном объеме признавать нацистские преступления в Беларуси, но государственные органы могут более активно отстаивать на международной арене нашу белорусскую правду о Великой Отечественной войне. Чтобы не обращались бывшие узники Озаричей, наткнувшись на бюрократические отписки и непонимание, в Страсбургский суд по правам человека или в ООН (было и такое).

– Мы ни в коем случае не стремимся «дестабилизировать обстановку», а просто ищем поддержки и внимания, – признается Федор Верас. – Предлагаем разработать закон «О жертвах фашизма в Республике Беларусь» и восстановить льготы, хотя бы в области здравоохранения, для бывших узников нацизма. Нас ведь осталось не так много, все люди пожилые, больные. Но наши обращения остаются без внимания. Объединение существует за счет членских взносов, и за эти же деньги мы пытаемся хоть как-то обустроить территорию на месте бывших озаричских лагерей. Ведь в Дерти и Подосиннике даже нет памятников.

Если Озаричи и другие лагеря такого же типа не соответствуют какой-то международной классификации, то нужно добиваться пересмотра этой классификации, внесения в нее новых определений и терминов. Озаричи заслуживают совершенно особого статуса во всей истории нацистских преступлений. А геноцид белорусского народа должен, наконец, занять в западноевропейской культуре памяти надлежащее место рядом с Холокостом и истреблением цыган. Это не только наш долг по отношению к погибшим. Возможно, некоторые деятели на Западе, узнав правду о страданиях нашего народа во время войны, поостерегутся впредь рассматривать нашу страну как объект для очередных цивилизаторских экспериментов, будь то наведение «нового порядка» или «демократизация» любой ценой.

Олег ЛИЦКЕВИЧ ■